

ГЛАВА 1

Не взгляни Джудит Данди на карточку водителя в рамке, укрепленную на приборном щитке, на которой была указана фамилия таксиста, возможно, она нашла бы в конце концов иной выход из постигшей ее беды. А возможно, и нет.

Взглянуть на карточку ее заставило небольшое происшествие. Это случилось, когда такси, в котором она сидела, остановилось на красный свет на перекрестке Пятидесятой улицы и Парк-авеню. Трое-четверо прохожих посмотрели на машину, желая убедиться, что она останавливается, при этом на лице одного из них — хорошо одетого, благообразного джентльмена, который вполне мог направляться на совещание директоров, — появилась радостная улыбка. Он сошел с тротуара, приблизился к такси, протянул водителю руку, чтобы поздороваться, и приветствовал его, словно своего коллегу:

— Привет, Хикс, как дела?

Для Джудит Данди встреча с хорошо одетым джентльменом стала первой и последней, но за этот короткий миг он успел оказать ей неоценимую услугу. Она на мгновение отвлеклась от навяз-

чивых мыслей, связанных с заваривавшейся вокруг нее историей, взглянула на карточку в рамке на приборном щитке и прочитала: «А. Хикс». Инициал А подтолкнул к размышлениям и пробудил воспоминания, а тем временем автомобиль опять тронулся и покатил дальше из центра города.

Она припомнила желтовато-карие глаза, которые своим блеском и формой век напоминали глаза кошки или тигра, и статью в журнале, которую год назад или около того она прочитала об этом человеке — краткий биографический очерк в «Нью-Йоркере». Юридический колледж в Гарварде... драматичное изгнание из ассоциации адвокатов в первый же год работы... окутанные мглой неизвестности последующие годы... ночной сторож... охранник в метро... знаменитое дело Харли... девушка с бельевыми прищепками на пальцах рук и ног...

Садясь в такси на Сороковой улице, Джудит даже не взглянула на водителя — настолько была занята своими мыслями. А теперь, когда машина остановилась напротив ее дома на Парк-авеню в районе Семидесятых улиц, она не торопилась выйти, хотя привратник распахнул дверцу. Вместо этого она наклонилась к шоферу:

— Мистер Альфабет Хикс?

Водитель повернул голову, посмотрел на нее, и она увидела его лицо. И глаза. Они были все такими же примечательными, какими она тогда их запомнила. Помолчав, Джудит спросила:

— Значит, теперь вы водите такси?

— Откуда вы взяли? — спросил он.

Она нервно рассмеялась.

— Дурацкий вопрос, верно? — Она качнула головой в сторону привратника, тот закрыл дверцу машины и отошел. Она продолжила: — Конечно, вы меня не помните. Примерно год назад — вы тогда работали в какой-то компании по уходу за деревьями — я прочитала ту статью в журнале и пригласила вас на обед в качестве знаменитости, но вы не пришли.

— Данди, — произнес Хикс.

— Значит, вы все-таки запомнили меня?

— Ну что вы! Просто догадался. Позади машина — ждет, пока я отъеду.

— Подождет... — Она оглянулась, импульсивно решив высказать то, о чем только что подумала. — Послушайте, — обратилась она к нему, — мне хотелось бы поговорить с вами. Нет, я не собираюсь приглашать вас на званый обед. У меня неприятности.

Уголок его широкого подвижного рта скривился, что придало его лицу сардоническое выражение.

— Какого рода неприятности?

— Сразу не расскажешь, это длинная история. Вы можете припарковать свою машину за углом и подняться ко мне? Прошу вас, пожалуйста.

— Ладно. — Он включил скорость.

Джудит Данди еще не было сорока пяти лет. Столько ей должно было исполниться через несколько месяцев. Выглядела она по-разному — иногда на свой возраст, иногда нет. Это зависело

от времени дня или ночи, от освещения, от настроения и от того, кто на нее смотрел. Что же касается физических данных — гладкости ухоженной кожи, больших темных глаз, каштановых, без проседи волос, красивой шеи и изящно очерченного подбородка, самой впечатляющей черты ее внешности, — то при идеальных условиях вполне можно было предположить, что ей нет и тридцати.

Однако в тот сентябрьский вечер условия были отнюдь не идеальными. Сидя на диване в углу своей несколько претенциозной гостиной в двухэтажной квартире на верхнем этаже дома по Парк-авеню, она выглядела совершенно измотанной.

— Беда, в которой я оказалась, — начала она, — весьма интимного свойства.

Хикс ограничился простым кивком. Сейчас, расположившись в кресле, он совсем не походил на таксиста, даже если не обращать внимания на то, что для шофера он был слишком хорошо выбрит, а на одежде — ни одного грязного пятна.

— Я хочу сказать, — продолжала Джудит, — мне не хотелось бы, чтобы об этом кто-нибудь узнал. Но я нуждаюсь в помощи. Сегодня после обеда я собиралась обратиться в какое-нибудь сыскное агентство, но у меня нет никого на примете, к тому же как-то неприятно туда обращаться. — Она состроила гримасу. — И без того скверно. И тут я увидела вас, вспомнила все, что о вас читала, — о ваших замечательных делах... а глаза у вас... таких умных глаз я никогда не видела... — Она в смущении замолчала.

— Вы должны на что-то решиться, — сухо отозвался Хикс. — Пока что я лишь согласился подняться к вам и выслушать вас.

— Я понимаю. — Некоторое время она сидела молча, разглядывая его, затем порывисто, глухо произнесла: — Мой муж спятил.

— Маньяки — это не по моей части, — буркнул Хикс.

— Нет, нет, не в том дело, — нетерпеливо прервала его Джудит. — Но он действительно свихнулся. Потерял рассудок. Мы состоим в браке уже двадцать пять лет. Нашу совместную жизнь не назовешь сплошным блаженством хотя бы потому, что я женщина экстравагантная, не говоря уже о его недостатках, и все же мы неплохо ладили. Мы воспитали двоих детей, собственно, ради этого люди и женятся, как я полагаю, и никогда не пытались отравить друг другу жизнь. Думаю, среди друзей наше семейное счастье оценивается выше среднего. И вдруг на прошлой неделе, во вторник, произошло нечто неожиданное. Он пришел со службы и уставился на меня каким-то диким взглядом. Потом спросил, часто ли я встречаюсь с Джимми Вейлом.

Она смолкла. Хикс чувствовал себя несколько неловко.

— Джимми Вейлом? — пробормотал он.

— Ну да!

— Это кто, мужчина?

— Конечно, мужчина. Я просто онемела, а когда опомнилась, то заявила, что если бы я в моем возрасте стала бегать на тайные свидания, то на-

шла бы себе кого-нибудь получше Джимми Вейла. Все тем же голосом и все так же глядя на меня, он продолжал: «Я говорю не об этом. Ты знаешь, *что* я имею в виду. Я спрашиваю: сколько раз ты была в его офисе и передавала ему секреты моего бизнеса? У меня есть доказательства. Поэтому лучше не крути, а говори прямо». Я снова потеряла дар речи. И прежде чем оправилась, он опять заговорил: «От кого ты получила эти сведения? От Брегера? Ты их выудила у Брегера? И расплатилась с ним, как он того хотел? А сколько ты получила от Вейла? Он хорошо тебя вознаградил?»

Я спросила его, не сошел ли он с ума. А он возразил, что отпираться бессмысленно — он точно знает, что я это сделала, его интересуют лишь подробности, полный рассказ об этом, чтобы он мог решить, что делать дальше. Взывать к его благородию было бесполезно. Мы разговаривали в этой самой комнате. Потом кто-то пришел, он вышел и в тот вечер не вернулся домой. На следующий день он пришел примерно в полдень и начал все сначала. Просто кошмар. В конце концов он заявил: если я приду в его офис в четыре часа, он докажет, что он прав. Я согласилась, и он ушел. Я в самом деле решила, что с ним не все в порядке. Часов около трех он позвонил мне и сказал, чтобы я не приходила. Сказал и тут же повесил трубку. Но я все же поехала к нему, однако в офисе мне сказали, что его нет. В тот вечер он вернулся домой очень поздно и наотрез отказался обсуждать это дело! И до сих пор не желает говорить о нем. Стоит мне завести об этом разговор,

как он выходит из комнаты. На людях он относится ко мне... ну, пытается держать себя так, как будто ничего не произошло. Но когда мы остаемся одни, то вместе мы фактически не бываем. У нас смежные спальни. И теперь дверь со своей стороны он закрывает на ключ. А когда несколько дней назад я вошла к нему через другую дверь, из гостиной, он просто не захотел разговаривать на эту тему! Вы когда-нибудь слышали о такой ужасной нелепости? Если нет, то теперь вот услышали.

— Да, звучит все довольно странно, — признался Хикс. — Какие же секреты, с его точки зрения, вы продали?

— Возможно, производственные секреты, формулы пластиков. Это — единственное...

— Что такое пластики?

— Пластики? — Она посмотрела на него так, будто он спросил ее, что такое яблоки. — Теперь все делается из пластиков или скоро будет делаться: авторучки, часы, мебель, посуда... На заводах Форда пластики пытаются внедрить в производство автомобилей. Их выпускают всевозможных цветов...

— Ваш муж занят в производстве пластиков?

Она кивнула.

— Его фирма — одна из крупнейших: «Р.И. Данди и компания». Правление находится на Сорковой улице, а сама фабрика в Бриджпорте. Этим, собственно, и ограничиваются мои познания. Он никогда не говорит со мной о делах или говорит очень мало. — В голосе Джудит неожиданно зазвучали металлические нотки. Голос у нее

был богатого, сочного тембра, она мягко проговаривала согласные и очень четко, нараспев произносила гласные, отчего речь ее звучала напевно и приятно. И потому внезапное изменение тона показалось несколько ошеломляющим. — Как я могу выдать секреты, о которых понятия не имею? — напористо спросила она. — У меня никогда не было возможности узнать их. Да и вообще — просто идиотизм какой-то! Представьте, что ваша жена вдруг обвинит вас в том, что... что...

— Никогда не был женат. — Хикс сказал это таким тоном, что стало ясно: он не собирается заполнять имеющуюся вакансию. — Но мне понятно, что вы имеете в виду. А кто такой Джимми Вейл? Он тоже делает пластические материалы?

— Да, он возглавляет компанию «Репаблик продактс корпорейшн».

— Конкурент?

— Еще какой! Когда-то он и мой муж были друзьями, но только не теперь. Теперь муж называет его плутом и жуликом. Я мало об этом знаю, но, вероятно, Вейл какими-то обходными путями раздобыл формулы Данди. По крайней мере, мой муж так думает. Эта история тянется уже не то два, не то три года.

— Вы хорошо знаете Вейла?

— Когда-то знала довольно хорошо, но уже давно не видела его.

— Не были ли вы недавно в его офисе?

— Никогда не была. Даже не знаю, где находится его контора.

— Ваш муж спросил, не выудили ли вы сведения у Брегера. Кто такой Брегер?

Джудит Данди слегка улыбнулась — не то презрительно, не то насмешливо.

— Герман Брегер, — произнесла она, раскати-сто выговаривая букву «р» и приглушенно букву «г» своим приятным голосом, что сильно отличалось от гнусавого выговора самого Хикса. — Он ученый. По мнению моего мужа — гений. Не знаю, может быть, и так. Он занимается исследованиями и делает потрясающие открытия. Работает в компании уже несколько лет. Он не захотел работать в Бриджпорте, говорит: там слишком многолюдно. Поэтому муж оборудовал для него лабораторию в Вестчестере, недалеко от местечка под названием Катона. — На ее губах опять мелькнула улыбка. — Он из тех, кого называют чудаками.

— Вы с ним знакомы?

— О да. В личном плане не очень близко, если так можно выразиться, но я часто вижу его. Муж то и дело приглашает его сюда. Он приезжает два раза в месяц, обедает у нас дома, вечера они с мужем проводят за деловыми разговорами. Да, кстати, я сказала, что никогда не имела возможности узнать какие-либо секреты. Вероятно, это слишком категоричное утверждение. Однажды мистер Брегер оставил у нас на ночь свой портфель, не исключено, что он был набит секретами. Наверняка не скажу, потому что не заглядывала в него. Но, очевидно, что-то важное в

нем было, так как на следующий день мой сын специально за ним приехал.

— Когда это случилось?

Она пошевелила губами:

— Примерно месяц назад.

— Ваш сын тоже связан с компанией?

— Да, связан. Ему двадцать четыре года. — Судя по тону, ей с трудом верилось, что ее сыну так много лет, и, честно говоря, основания для этого у нее были. — В июне он закончил аспирантуру в Массачусетском технологическом институте и теперь работает вместе с мистером Брегером. — Она нетерпеливо пошевелилась на диване. — Но это не имеет никакого отношения к делу, не так ли? — Она, точно в молитве, сложила руки и улыбнулась ему. — Помогите мне, пожалуйста. Все это так нелепо, я чувствую себя абсолютно беспомощной! Я обратилась к нашему давнишнему другу — он был шафером на нашей свадьбе, — он дважды разговаривал с мужем. Сегодня утром я ездила к нему на работу, к этому другу, он сказал, что мой муж наотрез отказывается обсуждать этот вопрос и что он бессилён повлиять на него. Поэтому я и подумала, что придется обратиться в сыскное агентство, и тут увидела вас и вспомнила содержание той статьи. — Она протянула руку. — Вы мне можете, да? Конечно, хоть вы и презираете деньги, я в состоянии заплатить вам столько, сколько вы запросите... — Она в смущении замолчала.

— Деньги я не презираю. — Хикс откровенно разглядывал ее, в его немигающих глазах загорелся огонек, и выражение дерзости в присталь-

ном кошачьем взгляде усилилось. — Что бы там ни написали в той статье, я не олух. Могу сказать одно: чертовски любопытно будет выяснить, действительно ли вы продали производственные секреты мужа и теперь хотите узнать, какие у него имеются доказательства. Готов также согласиться с тем, что мне понадобится примерно... — Он сделал непродолжительную паузу. — Примерно двести долларов.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Я вам сказала чистую правду, мистер Хикс.

— О'кей. — Выражение его глаз не изменилось. — Пусть это будет шутка. Как я сказал, мне понадобятся наличные. И ваша фотография, хорошая, красивая, художественная фотография. Может быть, вы мне расскажете еще что-нибудь?

Но ничего больше рассказать она не смогла. Во всяком случае, ничего стоящего или существенного, хотя отвечала на его вопросы еще с полчаса. Когда немного погодя Хикс ушел, он унес в кармане чек, а под мышкой конверт с большой фотографией Джудит Данди, весьма привлекательной и даже красивой женщины с кокетливо вздернутой головкой и интригующей улыбкой на устах. Он не стал объяснять, зачем ему понадобилась эта фотография. Выйдя на улицу, он направился к своей машине, сел в нее и завел мотор.

На перекрестке Мэдисон-авеню в районе Со-роковых улиц по телефону-автомату для полиции разговаривал с сержантом полицейского участка новичок постовой:

— ...Я находился на тротуаре, и вот как раз возле меня останавливается это такси, из машины выходит водитель, говорит мне: «Здравствуйте, офицер» — и протягивает листок бумаги. Я разворачиваю его, а там написано... вот это, читаю вслух: «Позвоните, пожалуйста, по номеру Шеридан 98200 и передайте Джейку, дежурному, пусть он пошлет кого-нибудь забрать отсюда мою машину. Сам я отвезти ее не могу: меня преследует полиция». И подпись: «А. Хикс». Это же имя значит и на карточке водителя в такси. Почерк неразборчивый, и, пока я читал записку, он исчез. Пропал из виду. Я начал...

— Как он выглядел?

— Лет примерно тридцати пяти, среднего роста, вроде бы медлительный — во всяком случае, так мне показалось вначале, — большой рот, забавный взгляд, как у китаезы... нет, не как у китаезы...

Сержант хохотнул.

— Он самый. Альфред Хикс, иначе говоря — Альфабет Хикс. Не выбрасывай эту записку. Передашь ее мне.

— Может быть, я смогу отыскать его, если...

— Забудь об этом. Окажи любезность и позвони по номеру, который он указал.

— Вы хотите сказать, — постовой взвизгнул от возмущения, — что это просто дерзкая выходка?

— Чертовски дерзкая. — Сержант опять хихикнул. — Он же сэкономил пятицентовик, верно?

Приятно было бы констатировать, что проблема Джудит Данди была разрешена в тот же вечер в среду, но это не соответствовало бы факти-

ческому положению дел. Хотя Хикс и предпринял кое-какие шаги, но единственное осязаемое продвижение вперед свелось всего лишь к расходованию денег Джудит Данди, и началось это с обналичивания ее чека. Основные расходы распределились следующим образом:

Комплект одежды — 65,00 долл.

Перочинный ножик — 2,50 долл.

Двухфунтовая коробка шоколада — 2,25 долл.

Денежный перевод для Британского фонда помощи военнослужащим — 100,00 долл.

Фотографии Мирны Лой, Бетти Дэвис, Дины Дурбин и Ширли Темпл — 4,00 долл.

Итого: 173,75 долл.

В тот же вечер в семь часов Хикс ел спагетти в семейном кругу на кухне владельцев итальянского ресторана на Восточной Двадцать девятой улице и вел спор о Муссолини. В девять часов ночи посуду убрали и принялись играть в карты. В полночь Хикс поднялся в свою комнату, за которую платил шесть долларов в неделю.

Переодевшись в желтую с коричневыми полосками пижаму, он уселся на край кровати, открыл коробку шоколада и глубоко вдохнул в себя приятный запах.

— Нет, сначала я его отработаю, а потом съем, — пробормотал он.

Если бы он только знал, чем обернется эта случайная работенка, то вполне мог бы добавить: «Если останусь жив».

ГЛАВА 2

В приемной административной службы корпорации «Репаблик продактс», разместившейся высоко над Лексингтон-авеню, сидела за столом секретарша и пыталась подавить зевету. Проиграв в этой борьбе, она прикрыла рот ладонью. Утро, пять минут десятого, четверг. Жизнь представлялась ей ужасно нудной. Ноги ныли. Танцы чуть не до часу ночи, неполных шесть часов сна, потом пришлось стоять в подземке... С нее хватит, эти штучки не для ее возраста. Когда она была моложе — ничего, а теперь ей уже двадцать три, почти двадцать четыре...

— Доброе утро, — прозвучал медленный, тягучий голос.

Этот голос вызвал в ней раздражение. Ее усталые глаза уставились на мужчину в новом коричневом костюме с большим конвертом под мышкой, его лицо было ей незнакомо.

— Кто вам нужен? — спросила она его. Обычно вопрос звучал так: «Вы к кому?» — но теперь в ее состоянии, ей было не до этого.

— Вы, — отозвался мужчина.

Такая избитая хохма, как она того и заслуживает, обычно наталкивалась на холодное презрение с ее стороны. Но мысль, что кому-то на свете она сейчас понадобилась — с таким ужасным лицом и ноющими ногами, — показалась ей настолько сногшибательной, что она прыснула со смеху.

— Нет, правда, — сказал мужчина. — Хочу спросить, не желаете ли проехаться в Голливуд?

— Всю жизнь мечтала, — презрительно парировала она. — Уж не потребовалась ли Гарбо дублерша или еще что?

— С такими замашками вы никогда ничего не добьетесь, — сурово сказал мужчина. — В вашу дверь стучится удача, она готова вас выслушать. — Он положил конверт на письменный стол, открыл его и извлек оттуда большую глянцевою фотографию. — Кто это?

Едва взглянув, она саркастически ответила:

— Джон Берримор.

— Так, понятно, — неодобрительно заметил он. — Вы еще пожалеете об этом. Здесь фотографии еще четырех кинозвезд. Если вы назовете всех пятерых, то получите подписку на периодическое издание «Муви газетт». Бесплатно. А потом напишете статью размером в тысячу слов и пошлете ее нашему редактору на конкурс.

— Вы сказали «тысячу слов», столько я и не знаю. — Она опять взглянула на фотографию. — Но если и другие так же легко отгадать, то это Ширли Темпл.

— Правильно. — Он вытащил из конверта другую фотографию. — А теперь повнимательнее, не торопитесь.

Она фыркнула:

— Эти глазки? Бетти Дэвис.

— Второй раз верно. А это?

— Дина Дурбин.

— А эта?

— Мирна Лой.

— Пока что все у вас идет как по маслу. Че-

тыре правильных ответа, остается последняя фотография. Кто это?

Она искоса посмотрела на портрет, затем взяла фотографию из его рук и стала рассматривать ее со всех сторон.

— Ха! — выдохнула она. — Я так и подумала, что тут ловушка. Возможно, это какая-то дама, которая сидела в телеге, когда снимали «Унесенные ветром». Сцена, когда они бежали из того города в Вирджинии. Думаю, что это...

— Атланта, Джорджия. Но вы меня обманываете. Думаю, вы должны узнать ее, даже не особенно ломая мозги. Конечно, она была одета иначе. Например, представьте себе, что она выходит из лифта и подходит к вашему письменному столу — вероятно, в шляпке, в какой-нибудь накидке, несколько нервничает и говорит вам, например, что хотела бы видеть мистера Вейла...

— Тс-тс-тс, — зашипела девушка.

Он проследил за ее взглядом и увидел направляющегося в их сторону мужчину — крупного, упитанного и хорошо выбритого, с мясистым носом и тонкими губами. Он шел от лифта к коридору, уходящему в глубь здания, но неожиданно свернул и теперь приближался к ним.

— Доброе утро, мистер Вейл, — звонко поздоровалась девушка, словно ноги ее были в полном порядке.

Его ответное «доброе утро» прозвучало невнятно, как будто по-болгарски.

— Что тут происходит? — требовательно спросил он, останавливаясь возле ее письменного

го стола. При виде художественных открыток и стоявшего рядом постороннего мужчины он нахмурился. — Я слышал, здесь произнесли мою фамилию...

— Совершенно случайно, мистер Вейл, — заторопилась девушка. — Этот человек только говорил мне... показывал мне...

Она замолчала, потому что происходило что-то странное. Вейл метнул взгляд на фотографию, которую она опустила на стол, — ту, что не сумела отгадать, — нагнулся, чтобы получше рассмотреть ее, потом резко выпрямился. Выражение его лица напугало секретаршу, хотя мистер Вейл смотрел не на нее, а на незнакомца. Ей и раньше приходилось видеть его в гневе, но никогда еще его губы не становились такими тонкими, а глаза такими узкими.

— Так... — произнес он и неожиданно улыбнулся, но эта улыбка вряд ли могла бы кого-нибудь обмануть, особенно того мужчину, которому она предназначалась. — Полагаю, все происходящее имеет какое-то объяснение? Эта дама на открытке — моя давняя приятельница.

Незнакомец тоже улыбнулся.

— Могу достать для вас один экземпляр.

Вейл сделал шаг в его направлении.

— Кто вы такой?

Пришедший вынул из кармана бумажник, выудил оттуда визитную карточку и подал ее спрашивающему. Вейл взял карточку, взглянул на нее:

«А. Хикс
М.Н.П.Н.Ч.».

Вейл без всякой улыбки посмотрел на незнакомца.

— Что это за... ерунда?

Пришедший махнул рукой.

— Не обращайтесь внимания. Один из моих титулов: «Меланхолический наблюдатель за психическим нытьем человечества». А фамилия моя Хикс.

— Кто вас сюда направил?

Хикс встряхнул головой.

— Мистер Вейл, я пришел не к вам. К вам, может быть, зайду в другой раз. — Он потянулся за конвертом и фотографиями.

— Оставьте все это здесь и убирайтесь!

Но Хикс одним махом сгреб все свои вещи и поспешил к лифту. Вскоре перед ним открылись двери поднявшейся кабины.

Когда он вышел из здания, на его лице не было и следа улыбки. Он начинал подозревать, что впутывается в какую-то мерзкую историю. Судя по тому, как сузились глаза Вейла — стали похожи на глазки-щелочки настороженного и злобного поросенка, — кому-то теперь не поздоровится.

Хикс сел на скамейку в Брайант-парке и задумался.

Офис «Р.И. Данди и компания» располагался на Сороковой улице у Мэдисон-авеню, всего в пяти минутах ходьбы от офиса его основного конкурента — «Репаблик продактс корпорейшн».

Любой, кто увидел бы Р.И. Данди за столом его кабинета в этот же четверг в одиннадцать ча-

сов утра, вряд ли догадался бы, что всего десять минут назад ему позвонили из Чикаго, из тамошнего филиала, и сообщили приятную новость: им удалось подписать контракт на сумму 68 тысяч долларов с компанией «Фостерс», крупнейшим производителем пластиковой обертки с отрывными листами. Подавленный и в то же время возмущенный Данди сидел, уставившись на край ковра. Наделенный от природы правильными чертами лица, в хорошо сшитом строгом сером костюме, он, казалось, был создан — да и сам заботился о том же, — чтобы выглядеть аккуратным и представительным, но на этот раз его растрепанные волосы и покрасневшие глаза поразительно не соответствовали этому замыслу природы.

Он пошевелился в кресле и простонал, а когда в дверь постучали, раздраженно рывкнул:

— Войдите!

Вошел посыльный и подал ему визитную карточку:

«А. Хикс
К.М.Г.В.».

Внизу было написано чернилами: «Только что видел мистера Джеймса Вейла. Это может вас заинтересовать».

Данди выпрямился и еще раз взглянул на визитную карточку, потер ее между большим и указательным пальцем и опять посмотрел на нее.

— Как выглядит этот человек?

— Он выглядит нормально, сэр. Кроме разве что глаз. Глаза у него слишком яркие и настороженные.

— Пригласите его сюда.

Посыльный вышел. Вскоре вошел посетитель, его ждал холодный прием. Данди не поднялся с кресла, не поздоровался, а просто уставился на вошедшего. Хикс остановился по другую сторону стола и тоже вперил взгляд в сидевшего, затем повернулся, подошел к креслу, сел и сказал:

— Кандидат в мэры города Вавилона. Не того Вавилона, а этого — на Лонг-Айленде.

От раздражения Данди моргнул:

— О чем вы говорите, черт побери?

Хикс указал на визитную карточку, которую хозяин все еще держал между пальцами:

— Так они расшифровываются. Чтобы вы не утруждали себя вопросом. Иногда это помогает завязать разговор, но в данном случае достаточно было упомянуть Джимми Вейла, не так ли?

— При чем тут Вейл? Чего вы хотите?

Хикс улыбнулся ему.

— Для начала мне хотелось бы немного познакомиться с вами. Если я сразу бухну, что мне надо, вы, вероятно, прогоните меня, как это сделал Вейл. Ну и чего мы тогда достигнем? Особенно учитывая ваш внешний вид и ваше настроение. А также упрямство, которое написано на вашем лице. Но, полагаю, взаимное знакомство мог бы начать я. Вчера вечером ваша жена заплатила мне двести долларов.

— Моя жена... — Данди выпучил на него глаза. — За что?

— Ни за что. В этом заключается печальная сторона дела. Так случилось, что мне понадооби-

лись деньги, поэтому я их взял. Если вы зарабатываете деньги, а их транжирят впустую, то это ваша собственная вина. Никогда не встречал более глупого человека, чем тот, который обвиняет свою собственную жену в предательстве и утверждает к тому же, что у него имеются доказательства этого. А на поверку отказывается представить эти доказательства или хотя бы обсудить их. Виновна ли она?..

— Вон! — сказал Данди дрожащим от негодования голосом. Он вскочил, его руки тряслись. — Убирайтесь отсюда!

— Помилуйте, — Хикс не повысил голоса и не сдвинулся с места, — вам следовало бы взглянуть на себя в зеркало. Ваша жена считает, что вы лишились рассудка, и, возможно, она права. Если вы решаете свои производственные дела так, как решаете эту проблему — просто впадая в ярость, — вам недалеко до банкротства. Я пришел сюда, чтобы сделать вам предложение, и не уйду, пока не выскажу его.

— Мне не нужны никакие предложения...

— Как вы можете это знать, пока не выслушаете меня? Если вы позволите себе немного остыть, то поймете, что я в состоянии дать вам то, в чем вы нуждаетесь. Ваша жена уже заплатила мне. Она доверилась мне. Вы сказали ей: бесполезно отрицать, что она продала Вейлу ваши производственные секреты, вы знаете — она это сделала. От нее вам нужен был лишь чистосердечный рассказ обо всем, дабы вы могли решить,

как вам поступить. Что, если мне удастся вытянуть это из нее? Разве не этого вы хотите?

— Понятно, — шевельнулись губы Данди, но он сжал челюсти, чтобы ничего больше не сказать, и уставился в лицо посетителя.

— Это чего-то стоило бы, не правда ли? — продолжал развивать свою мысль Хикс. — Но, конечно, вы должны снабдить меня кое-какой информацией для такой работы. Например, теми самыми доказательствами, которые вы хотели ей представить... Мне надо знать достаточно из того, что известно вам, чтобы произвести на нее впечатление...

— Ха! — насмешливо фыркнул Данди. — Вам это вправду надо знать?

— Разумеется.

— Где вы видели Вейла?

— В его конторе.

— Не моя ли жена направила вас к нему?

— Нет, не она. Я просто сую свой нос во все дыры.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил?

— Полагаю, что сказанное мною вполне правдоподобно.

— Я так не считаю. Вы кто — адвокат?

— Нет. Просто парень. В некотором роде сыщик. Можно даже назвать меня несостоявшимся адвокатом. — Хикс взмахнул рукой. — Понимаю ваше отвращение. Вам неизвестно, достаточно ли у меня опыта, чтобы провести вашу жену, и вы опасаетесь, не пытаюсь ли я вас надуть. Тут вам придется пойти на риск. Однако я могу представить доказательства, что меня отстранили от

юридической практики, а это очко в мою пользу. Потому что вы сможете проверить, так ли это.

Дрожь у Данди прошла. Очевидно, его кровообращение пришло в норму. Теперь он уже не походил на человека, который может схватить посетителя за горло или запустить в него стулом. Хрипло, но ровным тоном он спросил:

— Где моя жена вас раскопала?

— Это длинная история. Я в некоторой степени... пользуюсь... э-э-э... славой, правда — дурной.

— Не сомневался в этом. Ясно, что вы работаете на Вейла.

— Ничего подобного. До сегодняшнего дня я его в глаза не видел.

— Так я вам и поверил. — Ноздри Данди раздулись, потом снова пришли в норму. — Я собираюсь выкинуть вас отсюда. Проваливайте.

— Не думаю...

— Я сказал — убирайтесь.

Губы Хикса сложились в букву «о», казалось, из них вот-вот вырвется свист, он посидел пять секунд, разглядывая упрямую челюсть и крепко сжатый рот, сузившиеся зрачки налившихся кровью глаз. Потом тяжело вздохнул, неторопливо поднялся с кресла, взял с края стола свою шляпу и вышел.

Дверь за посетителем закрылась, но Данди продолжал стоять все с тем же выражением, потирая ладонями свои ляжки. Так, в раздумье, он простоял некоторое время, потом потянулся к телефону и сказал в трубку:

— Соедините меня с сыскным агентством Шарона.

ГЛАВА 3

Хикс опять сидел на скамейке Брайант-парка, наблюдая за важно расхаживающими голубями. Заварилась какая-то каша, несъедобная и дурно пахнущая, и он влип в нее. К тому же от двух сотен, выданных миссис Данди, у него осталось всего двадцать долларов. Это тоже не улучшало настроения. Конечно, можно бы съездить на метро в город, занять сто восемьдесят долларов у старины Харли и вернуть задаток миссис Данди. Он сидел, наблюдал за голубями, размышлял над всем этим и в конце концов решил сначала пообедать.

Однако вместо того, чтобы отправиться на Третью авеню, где блюдо тушеного мяса плюс хлеб с маслом обошлись бы ему в двадцать пять центов, он пошел на Сорок первую улицу к Джойсу, удобно устроился в одной из обитых кожей кабинок и заказал себе двойную порцию запеченных устриц.

И именно там он нашел кратчайший путь к следу, который при иных обстоятельствах ему пришлось бы долго искать, пыхтя и петляя по разным закоулкам. Он наколот на вилку последнюю устрицу, когда неожиданно его слуха достигло нечто такое, отчего вилка с устрицей замерла в воздухе. Его настолько поглотили собственные беспокойные мысли, что он вовсе не замечал ровного гомона, стоявшего в ресторане, и, возможно, так было бы и дальше, но вдруг общий гул стих и в наступившей тишине он отчетливо услышал голос. Прямо у себя за спиной.

Голос произнес: